

УГРОЗА РАЗРУШЕНИЯ БИОЛОГИЧЕСКОЙ ОСНОВЫ ЧЕЛОВЕКА КАК ГЛОБАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В статье дается дескрипция биологической основы человека, характеристика современного отношения к его бытию в современном мире: описываются глобальные проблемы (наркомания, эпидемические заболевания, преступность, терроризм и войны), приводящие к нарушению устойчивого развития человеческой жизнедеятельности, выявляются их основные причины и предлагаются пути выхода из них.

Среди угроз человеческому существованию сегодня наиболее острой является угроза разрушения биологической основы человека как живого существа. Дескрипцию биологической основы человека дал М. Шелер при описании образа *homo naturalis*: «Здесь отсутствует существенное различие человека и животного; они различаются лишь по степени присутствия признаков: человек – это только особый вид животного. В человеке функционируют те же самые элементы, силы и законы, которые свойственны всем живым существам, но проявляются они в более сложных следствиях» [1].

Для *homo naturalis* не свойственен признак возвышения над природным, как в *homo sapiens*, или, как в *homo religiosus*, отсылка к трансцендентному. Для «человека природного» это излишне, так как он самодостаточен для природной среды. Сущность человека, согласно Шелеру, заключена не в том, что он существо биологическое, органичное и инстинктивное. Человек – это высокоразвитое живое существо; а все, что относится к духу, разуму не имеет самостоятельного происхождения и в то же время не подчиняется простейшим законам бытия, а является исключительным продолжением высших психических способностей, которые мы обнаруживаем у приматов.

Данные «психические способности» помимо своих адаптивных качеств таят в себе и угрозу человеческому существованию. Эта угроза возникла в связи с распространением наркотиков и связанными с ними опасными заболеваниями. Наркотики – возбуждающие или дурманящие вещества, избирательно действующие на нервную систему, с помощью которых люди пытаются устранить физиологические или психологические проблемы, прийти к состоянию внутреннего благополучия или избежать трудностей.

В первобытном и древнем обществах различные возбуждающие или дурманящие вещества применялись в ритуалах, во врачебной прак-

тике, являясь неотъемлемой частью некоторых архаичных культур, в которых их потребление жестко регулировалось разнообразными социальными и религиозными табу. В условиях индустриального и информационного общества, когда традиционные запреты повсеместно отступили, а нагрузки на человеческую психику возросли, наркомания превратилась в глобальную проблему. Сегодня хронически зависимыми от потребления психотропных веществ становится все большее количество людей, причем эта зависимость порождает необратимые разрушения их организма, неадекватное, асоциальное поведение, вплоть до совершения самых тяжких преступлений. Распространению наркомании способствует и развитие «подпольной» фармакологии, «выбрасывающей» на рынок сильно действующие синтетические препараты.

Одной из причин современного типа наркомании можно считать неспособность наркозависимых людей справляться с конфликтными ситуациями в их жизнедеятельности. Философию конфликта анализирует в своей работе «Кризис современного мира» Р. Генон, для которого «кризис» означает то, что этот мир достиг некоторой критической стадии своего развития и его тотальная трансформация неизбежна. Эта трансформация, в свою очередь, предполагает, что весь ход развития должен измениться уже в обозримом будущем с неустойчивого на устойчивое. Термин «кризис», по Генону, обладает целым рядом и других смыслов, указывающих на завершение некоторого процесса, что ставит человечество перед необходимостью выяснения того, какие его результаты являются позитивными, а какие – негативными и как должно идти дальнейшее развитие. Генон подчеркивает, что очень много людей обладает смутным предчувствием близости «конца света», но это, по его мнению, будет всего лишь конец одного из миров – западной цивилизации, поскольку именно ее принято считать «Цивилизацией» по преимуществу.

Как плод глобального кризиса цивилизации глобальные противоречия и процессы имеют глубокие основания в западноевропейской культуре, переживающей эпоху перехода от современности (modernity) к так называемой «транссовременности» (transmodernity). Модернистский концепт «истории» сменил постмодернистский, задающий новый взгляд на глобальные процессы план видения, фундированный следующими четырьмя моментами: отказом от линейного видения глобальной динамики (1); отказом от презумпции наличия имманентной логики истории – в общем контексте отказ от логоцентризма (2); отказом от презумпции трансцендентального означаемого, предполагающего в данном случае наличие автохтонной глобальной реальности (3); общей постмодернистской презумпции артикуляции настоящего как лишённого возможности новизны (давление со стороны феномена *past perfect* на любое событие, свершающееся в неэлиминируемом контексте «все уже было») (4).

Постмодернистское видение социальной процессуальности принципиально нелинейно: полагает процессуальность своего бытия в ситуации «постистории», где современность тем самым «переписывает время», разворачивая линейный вектор истории и ломая его. Таким – парадоксальным – образом и постмодернистская презумпция «конца истории» (оптимистическая аранжировка – «Конец истории?» Ф. Фукуямы и пессимистическая С. Хантингтона) имеет смысл переоткрытия времени. А основной презумпцией постмодернистской истории выступает отказ от западно-философской традиции логоцентризма: событийный процесс – «случайная игра доминаций» (по М. Фуко) – нелинейного типа показывает, что мир – это мириады переплетающихся событий.

Сосуществование в едином пространстве взаимоисключающих друг друга сколков различных культурных традиций порождает невозможность единого зеркала мира (по Г. Лейбницу), не допускающую констатирования такой картины глобальности, которая могла бы претендовать на статус модели истории как новой большой наррации: в отличие от эпох «больших» нарраций постмодерн – это, по определению М. Фуко, «эпоха» комментариев, которым мы принадлежим». В этом контексте событие определяется как феномен, обладающий особым статусом, не предполагающим ни артикуляции в качестве причины, ни артикуляции в

качестве следствия, то есть статусом «эффекта». «Пост-история» может здесь мыслиться не иначе, как в качестве конструирования истории через слово, или «формы словесного дискурса». История, по М. Фуко, не более чем «дескриптивный анализ дискурсивных трансформаций». В рамках подобной установки будущее (финал, или «завершение») выступает в функционально-семантическом отношении аналогом аттрактора («привлекающего», «притягивающего из будущего настоящее»). По определению Джеймсона, в культуре постмодернизма «предчувствие будущего, катастрофического или спасительного, заместитель ощущений конца того или этого (конец идеологии, искусства или социального класса); взятые все вместе, возможно составляют то, что все чаще обозначается постмодернизмом». Социальная концепция модернизма (Ж. Бодрийяр, Дж. Ваттимо, Р. Вильямс и др.) постулирует отказ от попыток создания единой и исчерпывающей картины социальной реальности, показывая несостоятельность концептов «история» и «общество» как претендующих на фиксацию внеположенного дискурсивным практикам социологии «трансцендентального означаемого» социологических текстов.

Третьим программным поиском стал трансмодернизм, который появился в 1998 году. Трансмодернизм ставит перед собой задачу конструктивного синтеза достижений модернизма на базе критического переосмысления ментальности последних десятилетий и налаживания диалога модернистских и традиционных культур. Х. Кливленд и М. Люйкс сформулировали в соответствии с этим концептом две взаимосвязанные гипотезы. Во-первых, западная цивилизация переживает эпоху перехода от современности (modernity) к так называемой транссовременности (transmodernity), когда религия, оставаясь по-прежнему отделенной от государства, должна играть возрастающую роль в повышении уровня духовности политического и государственного руководства. Сотрудничество с «организованной духовностью» (религиозными и церковными авторитетами) позволит преодолеть свойственный секуляризованному модернистскому мышлению крен в бездуховность и, как следствие, склонность политиков к тоталитаризму и дегуманизации. Кооперация «организованной» и «неорганизованной» духовности позволит предотвратить подобные крайности модернизма. «Транссов-

ременный» способ мышления должен быть активно толерантным. Он признает, что все цивилизации должны быть чувствительны к чужеродному, какие бы формы оно ни принимало. Люди должны быть открыты к любому, в том числе трансцендентальному, поиску Истины, и дорога к ней у каждого индивидуума своя, через собственную культуру. Поэтому никто, в том числе никакой религиозный авторитет, не вправе навязывать другим свое видение этого пути. Во-вторых, наибольшую трудность составляет управление мировоззренческими конфликтами, которые пронизывают каждую религию и каждую культуру. Это конфликты:

– между досовременным (premodern) и современным (modern) – столкновение сакрально-авторитарно-религиозного, ориентированного на традиционные ценности видения и научно-рационального, секуляризованного подхода, защищающего свободу торговли и права человека. Нередко этот ценностный конфликт образует своеобразный водораздел между модернизированными, богатыми и традиционными, как правило, бедными слоями населения;

– между современным (modern) и транссовременным (transmodern) – столкновение секулярно-научно-рационального и иерархического подхода с мировоззрением, ориентированным на анализ сложных комплексных проблем, работу в сетевых структурах, принятие решений консенсусом и реализацию экологически устойчивых стратегий. Здесь идут споры по вопросам экономического роста и экологической политики, открытости и прозрачности правительственных ведомств и больших корпораций, сопоставления ценности природных и информационных ресурсов, соотношения роли вооруженных сил и других способов убеждения в реализации политики;

– между досовременным и транссовременным – прослеживается как расхождение в канонически строгих интерпретациях традиций и попытках адаптации этих же традиций к динамике современных веяний. В религиозных течениях линия напряжения проходит между «умеренными» и «фундаменталистами».

Идея трансмодерна как новой фазы исторической эволюции человечества получила поддержку со стороны участников брюссельского семинара, представляющих незападные культурные традиции (май 1998 г., штаб-квартира Европейского союза в Брюсселе, семинар «Governance and civilizations»). Стало очевидным,

насколько расхожее представление о модернизации как о процессе – вначале европеизации, а затем американизации – способствует отчуждению неофитов модерна от самих себя, собственной культуры. Между тем именно восточная культура, в частности конфуцианство, содержит ключевые для понимания глобального общества принципы солидарности со всеми поколениями – жившими, живущими и теми, которые еще будут жить на Земле. Понятие традиции приобретает новую динамику и содействует взаимообогащению западной и азиатской культур [2].

С психологической точки зрения «конфликт» – это столкновение противоположно направленных целей (или средств к их достижению), интересов (желаний, влечений), позиций и мнений акторов психологического взаимодействия. По мере развития наркомании как заболевания в человеке нарастают личностные изменения, наблюдаются проявления психической деградации, что порой приводит к суициду. М. Шелер обозначил этот тип людей *homo degeneratus* («человек вырождающийся»), который содержит многие радикальные моменты, если сравнить его с предшествующей философской традицией *homo naturalis*: опровергает веру в прогрессивность *homo sapiens* и *homo faber* («человека деятельного»), отрицает средневековый христианский миф об Адаме как *homo religiosus*, а также «духовную сущность» живого существа с его инстинктивными влечениями [3]. В данном антропологическом архетипе нет основы, это тот же *homo naturalis*, только с испорченной инстинктуальной природой. Здесь тот же культ органики, инстинкта, только отмечается, что человек отделился от собственной природности, но не сложился как самостоятельный образ человека. Это «человек вырождающийся» – существо, презревшее собственную природную сущность. «По этой концепции человеческая история представляет собой всего лишь неизбежный процесс умирания смертельно раненного вида, получившего смертельное ранение еще при рождении; вида, который уже по самому своему происхождению, во всяком случае, в европейской разновидности «человека разумного» – это какая-то ошибка жизни» [4].

В современном мире борьбу с распространением наркотиков члены мирового сообщества стремятся вести по двум направлениям: во-первых, посредством устранения социальных причин возникновения наркозависимости, в

том числе с помощью пропаганды здорового образа жизни молодежи, во-вторых, борьбы с криминальным оборотом психотропных средств любого происхождения. Опыт легализации «слабых» наркотиков в Нидерландах, Дании и Испании крайне неоднозначен по своим результатам, ибо количество наркоманов в этих странах среди молодежи продолжает расти, прибыли наркобизнеса не сократились.

В 2000 г. особое внимание к угрозе распространения наркотиков на планете привлекли совместные публичные акции Международной организации по борьбе с наркотиками (система ООН), Всемирной организации таможен, Интерпола, Европейского бюро по надзору за наркотиками и наркоманией. Это было связано с тем, что 1999 г. стал рекордным по количеству задержанных наркотических средств, которые переправлялись через границы государств и континентов.

Непосредственно связана с наркоманией другая глобальная проблема – заболевание ВИЧ/СПИД. ВИЧ/СПИД является самой серьезной «инфекционной» угрозой человеческому существованию в начале третьего тысячелетия. Дело усложняется еще и тем, что очень часто проблема ВИЧ окружена средой «умолчания». Это побуждает международные и общественные организации подчеркивать связь мероприятий по борьбе с распространением новых инфекционных заболеваний с правами человека. Сегодня в борьбе с этими заболеваниями участвуют такие организации системы ООН, как Программа развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) и Детский фонд Организации Объединенных Наций (ЮНИСЕФ), Международная организация труда (МОТ), Добровольцы ООН (ДООН), Секретариат ООН, включая Департамент операций по поддержанию мира и Отдел народонаселения ООН, региональные экономические и социальные комиссии, инструктируемые ВОЗ. Широко признанным должно быть мнение, что дискриминация по отношению к лицам с ВИЧ-инфекцией – это нарушение прав человека. Опасность заключается в том, что загоняя проблему внутрь, дискриминация способствует снижению возможностей для профилактики и ставит общество под угрозу. Защита прав человека ВИЧ-инфицированных дает наилучшую возможность оказать нужную помощь и дать им информацию и средства, необходимые для предотвращения передачи инфекции другим

людям. Поэтому не случайно уже в 1968 г. 41 Ассамблея ВОЗ призвала правительства всех стран избегать любых форм дискриминации по отношению к людям, инфицированным ВИЧ или СПИДом.

В настоящее время Управление Верховного комиссара по правам человека и представители национальных комиссий по правам человека работают над укреплением личной и общественной защиты в сферах, которые относятся к СПИДу. ЮНАИДС и Управление Верховного комиссара по правам человека опубликовали рекомендации, призванные оказать правительствам помощь в дефинициях международных норм в области прав человека и их применении в практической области в контексте ВИЧ/СПИДа. Более половины инфицированных составляют молодые люди до 25 лет. Они подвергаются заражению через внутривенное использование наркотиков и сексуальные связи. Спонсоры ЮНАИДС выступают за просвещение в области сексуальных отношений – стратегию защиты молодых людей в школе и за ее пределами. Созданы новые возможности для получения знаний на сайте в сети Интернет на английском и французском языках. Если для того, чтобы уберечься от СПИДа в индивидуальном порядке, необходимо прежде всего вести пресловутый «нравственный образ жизни», то чтобы победить СПИД как глобальную угрозу, нужна вакцина, которую пытаются разработать специалисты ряда стран. Но пока доказанных успехов в этой области нет. Дело усложняется еще и тем, что ВИЧ/СПИД относится к самой коварной группе известных вирусов, которые могут развиваться и видоизменяться, «обманывая» организм, вводить в «заблуждение» его защитные силы. И пока врачи исследуют данный вирус, на его место приходит более адаптированный и устойчивый «новый».

В современном мире есть много достаточно известных, но от того не менее угрожающих здоровью людей инфекций. К их числу относится гепатит. Риск заболеть гепатитом в 100 раз превышает риск заразиться ВИЧ-инфекцией. Он также передается половым путем и через кровь, причем смертность от этого заболевания выше, чем от СПИДа. Усилия по борьбе с такими болезнями, как СПИД, рак или гепатит, составляют важное звено в преодолении биологических угроз человеческому развитию. Однако одновременно нельзя забывать, что общий эпидемиологический фон в современном

мире создает также масштабная заболеваемость малярией, холерой, желтой лихорадкой, туберкулезом. От малярии ежегодно умирает более миллиона человек.

Сегодня человечество продолжает «болеть» и все теми же старыми социальными болезнями, среди которых все более угрожает человеческому существованию преступность. Глобализация социальных и экономических процессов в современном мире породила и глобализацию преступности, делая ее более организованной, транснациональной и изоцированной. Разрушительным для типа *homo naturalis* стал философский концептуальный персонаж *homo oeconomicus*. Понятие *homo oeconomicus* («экономический человек») – порождение классической экономической теории (последователей А. Смита) – завоевало мир в период между 1815 и 1914 гг. [5]. «Модернистский проект», который выработал «человек экономический», основывается на универсальных принципах рационализма и прогресса, где культура оказывается лишь эпифеноменом игры экономических сил. Теории экономической модернизации XX в. воспевают «историю европейских успехов» [6]. А характер эволюции федерализма и капитализма в Европе был общепризнанной схемой интерпретации мировой истории. На Западе, как и в социалистических странах, были убеждены в том, что успешная модернизация возможна только тогда, когда все традиционные структуры будут ликвидированы. Неудача модернизационных преобразований в 80-е годы XX в. привела к осознанию того, что может существовать самостоятельная сфера культуры, неподвластная диктату экономики. Это «культура предпринимательства».

Корни «культуры предпринимательства» проросли в японской общественной мысли в первой половине XVIII в. в конфуцианстве, охладевшем к этике, которую отодвинули на второй план, и стали придавать важное значение экономическим воззрениям. Далее появилась школа правоведения «кэймэйгаку», в духе Хань Фэй Цзы и Шэнь Бу Хая. Конфуцианское спекулятивное мышление уже не могло развиваться в тесной связи с дальнейшим прогрессом эмпирических наук, утратив былую свежесть, оно стало косным. Однако, с другой стороны, падение авторитета конфуцианской мысли не противоречило развитию экономического учения. «Напротив, примечательно, что развитие сфер опытного знания и культуры происходило па-

раллельно с ослаблением роли конфуцианства в теоретической и идеологической областях» [7]. Номо *oeconomicus* вне культурных и этноконфессиональных традиций необратимо редуцируется в *homo degeneratus*, в котором иступленная убежденность в своей правоте наиболее близка к трансформации в агрессивные формы преступности.

В настоящее время можно говорить о комплексе специфических факторов возникновения глобальных криминальных угроз человеческому развитию, среди которых можно выделить следующие шесть тенденций, формирующих «клик» национальной и международной преступности: углубление социальных противоречий в условиях распространения либеральной демократии в мире и в отдельных странах (1); преобладание рыночных сил в экономике (2); интеграционные процессы в мировой экономике (3); трансформация систем производства и рынка рабочей силы (4); появление новых видов преступности, бравшей на вооружение средства, адекватные своему времени (5); революция средств массовой информации и диктат идеологии потребительства (6).

Также в системе криминальных угроз человеческому развитию особое место занимает современный терроризм. Данное явление проявляет высокую способность адаптации к новым условиям глобальной экономики и международной среды. Одним из проявлений этой адаптации в конце 90-х годов XX в. стал переход от жестко организованных локальных террористических групп к свободно структурированным международным сетям террористических сообществ.

Терроризм представляет собой мотивированное реальными или декларируемыми политическими соображениями, профессионально планируемое насилие, применяемое против небоевых целей. Актуальна классификация терроризма В.Е. Перищева, основанием которой является выделение стратегических целей, которые преследуют террористы. Он выделяет политический и корыстный терроризм. Корыстный тип терроризма отличается отсутствием идеологической концепции, его цель – достижение наибольшего влияния и богатства. Такие террористы осознают преступный характер своей деятельности и не нуждаются в оправдании. Политический терроризм характеризуется наличием идеологической концепции, оправдывающей применение терроризма. Его целью

является переустройство «несовершенного» общества (или недопущение перемен), разработка стратегии и тактики; он пытается воздействовать на широкие слои населения.

В современном мире переплетается с проблемой терроризма проблема революции. Как показал И. Кант, концепт революции состоит не в том, как она может вестись в том или ином неизбежно относительном социальном поле, но в том «энтузиазме», с которым она мыслится в абсолютном плане имманенции, как проявление бесконечности в здесь-и-сейчас, не содержащее в себе ничего рационального или даже просто разумного. Такого рода концепт освобождает имманентность от всех границ, которые еще ставил ей капитал (или же которые она ставила себе сама в форме капитала, представляющего как нечто трансцендентное). В своем качестве концепта и события революция автореференциальна, т. е. обладает самополаганием, которое и постигается через имманентный энтузиазм, а в состоянии вещей и жизненном опыте ничто не может его ослабить, даже разочарования разума. Революция – это настолько абсолютная детерриториализация, что она взывает к новой земле и к новому народу. Человек капитализма, как это показали Ж. Делез и Ф. Гваттари в книге «Что такое философия?» (1991), – это Улисс, хитрый плебей, заурядный средний обитатель больших городов, коренной пролетарий или чужестранец – мигрант, который и начинает бесконечное движение – революцию. Сквозь весь капитализм проходит его клич: «Эмигранты всех стран, соединяйтесь!».

В начале XXI века из спорадических актов насилия терроризм превратился в особый вид перманентных вооруженных действий, угрожающих основам глобального порядка членов мирового сообщества. Также это и прибыльный криминальный бизнес глобального масштаба. Он обладает развитым «рынком труда» (наемники) и капитала (торговля оружием, наркоторговля). Для ограничения современной террористической деятельности, ставшей угрозой человеческому развитию, необходима политическая воля всех членов мирового сообщества. В противном случае будет происходить дальнейшее проникновение транснациональной преступности и терроризма в глобальный социальный организм.

Терроризм не имеет ни национальности, ни конфессиональной принадлежности. Поэтому некорректно путать его с религиозным экстре-

мизмом, который в значительной степени является реакцией фанатичных приверженцев верований на процесс секуляризации, модернизацию догматики и культа. Религиозный экстремизм часто смыкается с клерикализмом и религиозным фундаментализмом, принимая последний в качестве своей идеологической платформы. Характерная черта религиозного экстремизма – это крайняя нетерпимость к инаковерующим и особенно к неверующим. Нередко религиозный экстремизм используется в политических целях в борьбе против государственной власти, ее законов и норм. В этих случаях он выступает «оболочкой» политического экстремизма.

Несомненной угрозой человеческому существованию являются вооруженные конфликты и масштабные войны, вспыхивающие в разных регионах планеты на всем протяжении человеческой истории. В 90-х годах XX в. войны велись главным образом внутри государств, что привело к гибели более 5 млн. человек. Войны этого периода, в отличие от прошлого, порождены не стремлением к территориальным захватам, а скорее политическими амбициями или мотивами экономического обогащения. Хотя их причинами порой были этноконфессиональные различия, скрывающие подоплеку экономических интересов, их постоянно поддерживал незаконный мировой рынок вооружений. Это относится прежде всего к странам, образовавшимся на территории бывшего Советского Союза, а также к странам Восточной Европы. Вооруженные конфликты в Югославии, Нагорном Карабахе, Молдове, Южной и Северной Осетии, Таджикистане и Чечне оказались серьезными проблемами 90-х годов. Крупные конфликты в Афганистане и Косово были войнами, в ходе которых их лидеры эксплуатировали самые примитивные формы этнического национализма и религиозные верования в целях удержания или приобретения власти.

Отсюда общими характеристиками войн этого периода в истории человечества являются: а) ужесточение борьбы за перераспределение государственной власти; б) это «войны между бедными»; в) крайняя жестокость воюющих сторон по отношению к мирному населению [8]. Сегодня членами мирового сообщества формируется новая концепция предотвращения военных угроз человеческому развитию. Если раньше обеспечение безопасности означало защиту прежде всего территории государства от внешнего нападения, то теперь оно включает в себя

защиту населения и конкретных граждан от насилия внутри государства. Такой подход к обеспечению безопасности, ориентированный на человека и сохранение глобального человеческого потенциала, становится все более необходимым, поскольку ядерное оружие все еще угрожает жизни на земле.

В эпоху глобализации особенно важно добиться того, чтобы новые государства, ставшие ядерными державами или разрабатывающие ядерное оружие, не решились использовать его в локальных и региональных войнах. Данная цель требует новой стратегии международного взаимодействия глобального масштаба, отличного от биполярного подхода к проблемам ядерного вооружения периода «холодной войны». «Современные задачи обеспечения безопасности человеческого развития заставляют корректировать традиционные концепции, с тем чтобы они больше отвечали потребностям новой эры. Однако один проверенный временем рецепт остается актуальным как никогда: преодоление военной угрозы человеческому развитию в XXI в. нужно начинать с ее предотвращения. Современное международное право позволяет воплотить предотвращение военных конфликтов в жизнь» [9].

Таким образом, рассмотрев лишь часть глобальных противоречий и процессов в современном мире, связанных с угрозой развитию и существованию человека, выступающих как комплекс общечеловеческих проблем современности, мы можем констатировать, что такого рода глобальные проблемы обладают тернарным модусом: во-первых, они затрагивают интересы всего человечества и каждого человека в отдельности; во-вторых, они приобрели планетарный характер, причем требуют для своего решения международного сотрудничества в глобальном масштабе, концентрации усилий всех стран и народов мира; в-третьих, почти все они представляют собой реальные или потенциальные опасности, угрожающие развитию либо существованию человечества. Поэтому решение

глобальных проблем означает формирование всеобщей безопасности мирового сообщества для создания в будущем возможностей планетарного урегулирования процессов самоуправления глобальных социоприродных систем.

Сегодня традиционные формы понимания безопасности человека либо как попытки избежать конфликтности, либо как непосредственной защищенности от опасности и угроз в рамках государства недостаточны. В философской литературе конца XX – начала XXI века появились работы, содержащие в своем концептуальном замысле идею взаимосвязи безопасности и устойчивого развития (Г.Г. Зейналов, Ю.Л. Кутахов, О.Н. Мотин, А.И. Подберезкин, С.А. Проскурин, А.Л. Романович, А.Д. Урсул, Ю.А. Явчунковская и др.). В их трудах с философско-методологических позиций раскрывается смысл различных видов опасностей, угрожающих как конкретному человеку, так стране и обществу в целом; предлагаются механизмы их преодоления; доказывается необходимость сосредоточить внимание каждого индивида на знаниях, традициях, идеалах, которые призваны обеспечить безопасность человека, общества и природы на основе их устойчивого (самоподдерживающегося) сосуществования. Чтобы сделать мир безопасным, необходимо устранить причины опасности – агрессивный образ мышления и поведения, а также сформировать культуру безопасности, носителем которой могут быть как отдельные личности, так и мировое сообщество. Элементами культуры безопасности гражданского общества являются: безопасное миропонимание; этические идеалы, ориентированные на безопасную устойчивую жизнедеятельность человека; социально-политические институты, обеспечивающие внутреннюю и внешнюю безопасность человека, общества и государства; право, отражающее степень защищенности интересов личности, общества и государства; социально-экономическое единство нации, формирующееся устойчивым развитием общества.

Список использованной литературы:

1. Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. М., 1991. С. 143.
2. Глобализация: Контуры XXI века. М., 2002. – Ч. I. С. 36-39.
3. См.: Шелер М. Человек и история // Человек: образ и сущность. М., 1991. С. 148.
4. Там же. С. 152.
5. Аникин А.В. Юность науки: Жизнь и идеи мыслителей и экономистов до Маркса. М., 1985. С. 173.
6. Глобализация: Контуры XXI века: Реф. сб. в III ч. М., 2002. – Ч. I. С. 194.
7. Нагата Х. История философской мысли Японии. М., 1991. С. 199-200.
8. См.: Глобализация: человеческое измерение. М., 2002. С. 99.
9. Там же. С. 100